
Мансур.
Жениха уведите, она моя
Анастасия Шерр
Лира Ветрова
18+

Анастасия Шерр
Лира Ветрова

Мансур. Жениха уведите, она моя

https://litres.ru/74871083
SelfPub; 2026

Аннотация

На мою свадьбу врываются люди с оружием. Жених заслоняет меня собой, а я выглядываю у него из-за плеча и вижу Мансура. До последнего ждала, что он за мной приедет. И сдуру улыбаюсь ему на глазах у всех.

— Я был и есть ее первым мужчиной, — объявляет Мансур. — Жениха уведите, она моя.

Мама видела, как я ему улыбнулась. Тянусь к ней, а она отодвигает свой стул.

— Ты хоть мне могла сказать, Лиля? Я же твоя мать.

Он меня даже не целовал. Еще вчера я бы сама вернула кольцо, позови он меня с собой. А теперь Мансур садится на место жениха, и я унижаюсь перед ним впервые в жизни.

— Скажи хотя бы маме, что соврал, — шепчу я. — Я с тобой пойду, обещаю.

— Ты и так со мной пойдешь, Лиля, — отвечает он, снимая с моего пальца кольцо и надевая другое. Свое. Массивное, с крупным бриллиантом.

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лира Ветрова, Анастасия Шерр Мансур. Жениха уведите, она моя

Мансур. Жениха уведите, она моя

Анастасия Шерр

Лира Ветрова

18+

Аннотация

На мою свадьбу врываются люди с оружием. Жених заслоняет меня собой, а я выглядываю у него из-за плеча и вижу Мансура. До последнего ждала, что он за мной приедет. И сдуру улыбаюсь ему на глазах у всех.

— Я был и есть ее первым мужчиной, — объявляет Мансур. — Жениха уведите, она моя.

Мама видела, как я ему улыбнулась. Тянусь к ней, а она отодвигает свой стул.

— Ты хоть мне могла сказать, Лиля? Я же твоя мать.

Он меня даже не целовал. Еще вчера я бы сама вернула кольцо, позови он меня с собой. А теперь Мансур садится на место жениха, и я унижаюсь перед ним впервые в жизни.

— Скажи хотя бы маме, что соврал, — шепчу я. — Я с тобой пойду, обещаю.

— Ты и так со мной пойдешь, Лиля, — отвечает он, снимая с моего пальца кольцо и надевая другое. Свое. Массивное, с крупным бриллиантом.

Глава 1

Когда в зал врываются мужчины с оружием, Антон загораживает меня собой и крепче сжимает мою ладонь. Я утыкаюсь лицом ему в спину. На темно-синем пиджаке остается след моей помады. Выглядываю у него из-за плеча и вижу, кто за мной пришел. Мансур. Я улыбаюсь ему раньше, чем успеваю прикусить губу.

Антон оборачивается. Мы столько лет знакомы, я бы могла и сообразить, что он поймет все по моему лицу. В зале женщины хватают детей, уносят их подальше от людей Далгатова, а я смотрю, как он идет ко мне, и от радости забываю, в каком я платье. Опомнилась, когда Антон разжал пальцы. Из нас двоих ему первому пришлось отдернуть руку, как будто это он сделал что-то постыдное.

— Лиля, ты знала, что он придет? — спрашивает Антон. Микрофон у него еще включен. Отец только что передал ему слово, а теперь этот вопрос слышат даже музыканты в дальнем конце зала. Я качаю головой. — Хоть сейчас мне не ври, ладно?

В том-то и беда, что я не знала. Сутки ждала звонка, ночью сперва набрала «Ты совсем обалдел?», стерла, написала «Приезжай». Ни то, ни другое отправить не посмела. Утром искала телефон, пока мама прикалывала мне фату. Нашла, а там сообщение от Антона. «Поешь, Лиль. Ты, когда волну-

ешься, забываешь». Я в ответ послала ему сердечко. Что бы ему стоило меня сейчас обругать? Нет, ждет, пока наберусь совести и отвечу.

— Я дату ему сказала, — признаюсь я. Смотрю на Антона и замечаю, что мать жениха тоже ждет моего ответа. Утром она ползала со мной по ковру в гостиничном номере, искала мою потерянную сережку. Я уже тогда знала, чьего звонка жду. — Он спросил, я ответила. Я его сюда не звала.

Мансур подходит к нашему столу. На нем светлая рубашка, какую он надевал, когда в последний раз возил меня домой. Тогда я, дурочка, загадала, что сумею оставить на его щеке след помады. Храбрости хватило наклониться к нему за шарфом, который лежал у него на колене. Еще секунда, и я бы рискнула. Он поймал кончик шарфа, обмотал мне вокруг шеи и велел бежать домой, пока папа не вышел встречать. А мне так и хотелось спросить, давно ли Мансур Далгатов стал бояться моего отца. По его лицу сейчас можно подумать, что он приехал за вещью, которую тут оставил.

— Хочу поговорить с Лилей, — говорит Антон и выступает из-за стола, чтобы говорить с ним на равных. — Дайте нам минуту. Если она позвала вас сама, я уйду.

— Я был и есть ее первым мужчиной, — отвечает Мансур. Он смотрит на Антона, когда говорит это, а я вдруг замечаю ямку у него на щеке. Он еще и улыбается Антону. Как парню, с которым у них появилась общая мужская шутка. — Жениха уведите, она моя.

Кто-то выключает музыку. Из коридора доносится плач ребенка, которого уже вынесли из зала, и мне до одури хочется к маме на руки. Как в детстве, когда я совершала какую-нибудь шалость, а следом стыдилась из-за этого. В свои двадцать один я так и делаю, тянусь к ней. Мама отодвигает свой стул. Я едва успеваю убрать подол из-под ножки.

— Ты хоть мне могла сказать, Лиля? Я же твоя мать, — шепчет она и зачем-то в этот момент поправляет серьгу у меня в ухе. Никак у нее в голове не укладывается, что я выросла и сама умею застегивать сережки. А в то, что я ложилась в постель к мужчине и все это время врала ей, она поверила за секунду.

— О чем, мам? Что мне нравится мужчина? Нравится, — еле шевеля губами произношу я. Слышу, какой у меня голос, точно отчитываю ее за глупость, и уже хочу обнять, попросить прощения, но она смотрит мимо меня. Я тоже оборачиваюсь. Антон теперь стоит между двумя людьми Мансура.

Отцу Антона трудно ходить после операции. Он упирается ладонями в край стола. Антон, увидев, как он силится подняться, подходит к отцу сам. Один из мужчин идет следом за ним, как за вором, которого поймали и больше не выпустят. Мой папа, который еще час назад называл Антона сыном, так и сидит на месте.

— Пап, побудь с мамой. Я машину подгоню ко входу, ладно? — говорит Антон. Ищет меня глазами. Я шагаю к нему. Мне еще кажется, что можно что-то поправить, если он меня

выслушает. — Погоди, Лиль. Одно скажи. Если бы он вчера за тобой приехал, ты бы мне хоть позвонила? Или я бы и сегодня сюда с кольцами пришел?

Я могла бы и теперь соврать, сказать, что осталась бы с ним. Но он достает из кармана коробочку, и я вспоминаю, как долго он ее от меня прятал, чтобы сделать сюрприз. Внутри колец выгравированы наши имена. Коробочка пустая, потому что кольца уже на наших пальцах. Мы успели обменяться ими перед гостями, хотя до официальной росписи дело так и не дошло. А ведь я еще спорила, не хотела, чтобы он тратился на гравировку.

— Позвонила бы, Тош. Я бы сама к тебе приехала, — говорю я и вытираю слезу.

— Ты меня при нем так больше не зови, — просит Антон. Я отступаю. Один из мужчин придерживает створку, второй указывает в сторону выхода, и мой жених идет между ними мимо столов, за которыми еще остались его друзья и родственники. Следом мама Антона ведет под руку мужа. Папа вспоминает про больную ногу свата, догоняет их, подставляет плечо. Когда я оборачиваюсь, Мансур уже сидит на месте жениха. Мой букет мешает ему, и он перекладывает его на опустевший стул Антоновой мамы.

Я иду к нему. Кажется, сейчас подойду и влеплю ему пощечину. Но он поднимает голову, и я останавливаюсь. Раньше мне нравилось, как мужчины, которых побаивался даже папа, затыкались при Мансуре. А я при них могла подозвать

его к себе, и он наклонялся послушать, что я ему на ухо скажу. Мне в голову не приходило, что однажды при людях мне самой страшно будет раскрыть рот.

— Скажи хотя бы маме, что соврал, — прошу я, наклоняясь к нему. Как же стыдно шептаться с ним, пока нас видят люди. Они ведь решат, что бывало между нами и почище таких разговоров. — Я с тобой пойду, обещаю. Можешь даже не вставать, я маму позову. Ей одной скажи.

— Ты и так со мной пойдешь, Лиля, — отзывается Мансур и придвигает ко мне мой стул. Я остаюсь стоять. Он откидывается на спинку и смотрит на меня снизу вверх, пока я не опускаю глаза. — Или мне при всех объяснить, как ты ко мне в машину садилась и как домой не хотела?

— А что, было о чем рассказывать? — вырывается у меня. Я кладу руку на стол. — Расскажи, Мансур. Всем расскажи, что врешь сейчас.

Он берет меня за подбородок. С того места, где сидит мама, кажется, наверное, что сейчас поцелует. Его лицо так близко, что я различаю белый волосок в черной бороде. В другой день поддела бы его, что седеет, глянула бы, как улыбнется. Сегодня я бы ему в лицо плюнула, только вот страшно. За спиной гремит стул, идет кто-то из моих, и мне хоть бы на секунду перестать его слушаться. Отвернуться первой. Не могу.

Он вдруг берет меня за руку и снимает с моего безымянного пальца кольцо Антона. То самое, с гравировкой. Кла-

дет его на стол и надевает мне свое. Массивное, с крупным бриллиантом.

— В тот вечер я тебя домой отвез и уехал один, — говорит он, снова взяв меня за подбородок. — Знаешь, о чем жалел, когда ты мне про свадьбу сказала? Что высадил тебя тогда. Второй раз не отпущу. Садись.

Он пододвигает мой стул, и я неловко опускаюсь на него. Вытираю подбородок тыльной стороной ладони. В зал возвращается папа. У меня начинают так трястись ноги, что встать самой будет трудно. Хочу обнять папу. Только чтобы добраться до него, надо обойти стол и оказаться у всех на виду с этим зареванным лицом. Мансур поднимается, и я хватаюсь за него. Вот что, оказывается, запомнят люди с моей свадьбы.

— Я хочу наверх, — шепчу я. Мама сняла номер рядом с нашим, я еще вчера смеялась над ней, что мы с Антоном собираемся как-никак провести тут брачную ночь. Сегодня я готова спать на ковре у ее кровати. — Мам, дай ключ от твоей комнаты. Я к тебе хочу.

— Конечно, доченька, — говорит она. От этого «доченька» я опять готова разреветься. Сейчас пойдем с ней вдвоем, умоемся, поругаемся, только бы без него. Пока мама ищет карточку, Мансур обращается к отцу.

— Завтра я заберу Лилю домой, — говорит он. Моя ладонь еще лежит на его локте. Убираю ее. — Сегодня мы остаемся здесь. Номер для новобрачных какой? Ключ-карту мне!

Мне очень хочется, чтобы отец его послал. Успеваю даже представить, как он небрежно так, по-свойски скажет Далгатову, куда тому идти. Мама кладет карточку мне в ладонь. На ней крупно напечатано «312». Папа смотрит сперва на меня, на ключ в моих пальцах, и только тогда отвечает.

— Триста четырнадцатый, — говорит отец и раскрывает ладонь, чтобы я отдала ему мамин ключ. Я боюсь поднять глаза на Мансура. Минуту назад я так хотела вцепиться в него покрепче, в этот ключ от комнаты, где можно было запереться с мамой. Стоило Мансуру шагнуть ко мне, как я разжала пальцы. Папа забирает карточку и прячет в карман.

— Мам, ты утром придешь? — спрашиваю я. Она кивает, прижав пальцы к губам, а я все еще тяну время, все надеюсь, что она меня поправит, скажет, что придет сегодня. Мансур уже ждет меня на лестнице. И я сама поднимаюсь к нему, чтобы его люди не вели меня так, как увели Антона.

До свадьбы

В тот вечер, когда я познакомилась с Мансуром, мама впервые дала мне свою машину. На стоянке у кинотеатра я задела черный «Мерседес». Сижу, держусь за руль. Подружка рядом плачет. А за стеклом присел на корточки мужчина, пальцем потер царапину и постучал мне в окно. Я его узнала. Далгатова у нас в городе знали даже те, кому повезло с ним ни разу не разговаривать. Вот ведь я удружила себе и папе.

— Сколько тебе лет? — спросил Мансур. Подружка уже тянула меня за юбку, чтобы я позвонила отцу, а я, назло ей и себе, заглушила мотор и вышла. Он чуть посторонился, давая мне разглядеть царапину. При свете фонаря оказалось, что белая полоска идет через все крыло.

— Двадцать один, — зачем-то послушно ответила я. — Я заплачу, только частями, — проблеяла тихо. Деньги у меня были с дня рождения, я их откладывала на море. Прикинула, сколько стоит покрасить крыло на такой машине, и чуть не разревелась вслед за подружкой. — Как узнаете, сколько с меня, позвоните. Меня Лиля зовут. На море не поеду, вам отдам.

— Бегать от меня из-за царапины будешь? — сказал он и протянул мне свой телефон. Я набрала номер. Мансур тут же позвонил, выслушал, как у меня в кармане поет дурацкая песенка, и улыбнулся. — Ну, Лилия, езжай. На море денег хватит, не беспокойся.

Подружка всю дорогу домой ругала меня за длинный язык. Он позвонил на следующий вечер, когда мы с мамой ужинали. Денег за покраску у меня не взял. Зато про поездку расспросил так подробно, что я, уже лежа в кровати, поймала себя на дурацкой мысли. Вот бы он поехал со мной. У нас с ним на ту минуту случился один разговор по телефону, а я уже знала, какое из двух платьев надену, если позовет увидеться.

И он позвал. За лето я научилась угадывать его настрое-

ние по тому, как он произносил мое имя. Иногда он заезжал за мной после вечерних занятий английским. Мог завезти на озеро и с полчаса смотреть, как я, подобрав платье, брожу по мелкой воде. Сам ботинок так ни разу и не снял, сколько я его ни уговаривала. В другой раз я сказала, что иду с друзьями в кино. Он перечислил всех, кто идет. Даже парня с нашего курса, которого я сама едва знала. Я спросила, откуда он знает. Мансур засмеялся и не ответил. В кино я в тот вечер так и не пошла. Весь фильм просидела бы, оборачиваясь к задним рядам.

Антон мне нравился давно. В детстве дразнил меня, дергал за косы, а сам обижался, если я шла из школы домой без него. К осени он вернулся из другого города насовсем и сделал мне предложение. С ним я могла пойти куда угодно и знать, что со мной не случится ничего плохого. Далгатов к вечеру сам знал бы, где я и с кем. На свадьбу я согласилась сама. И несколько дней, пока мама обзванивала родных, с удовольствием слышала, как она говорит им, что ее Лилька выходит за Тошу.

— Ты ему сказала, что любишь его? — спросил Мансур, когда я наконец позвонила. Шум на том конце стих. Я села на пол в своей комнате и прижала колени к груди. Стоило услышать его голос, и все, что я чувствовала на семейном ужине рядом с Антоном, куда-то испарилось. Я хотела хотя бы еще раз увидеться с ним, прежде чем стану чьей-то женой. И боялась, что он об этом догадается.

— Какая теперь разница? Мы женимся, Мансур, — сказала я. Мне хотелось, чтобы он хоть раз со мной поговорил, как мужчина с женщиной, которую боится потерять. А об Антоне я в ту минуту даже не подумала. — Ты ведь знал, что я не всю жизнь буду ждать. Сам-то чего хотел?

— Число какое, Лиля? — спросил он. Я назвала и уже пожалела, потому что он тихо повторил дату, запоминая. — Значит, свадьба. Ты его любишь?

— Я за него выхожу, — повторила я. Надеялась, что сумею выдержать паузу и уж на этот раз первым заговорит он. Выдержала ровно столько, сколько понадобилось, чтобы заметить мокрый след на щеке. — А если тебя вдруг люблю, что тогда? — не смогла не поддеть его. Это и было ошибкой.

— Тогда зачем ты мне про него рассказываешь? — спросил Мансур. Я все еще надеялась, что он позовет к себе и можно будет поговорить с глазу на глаз. Он позволил мне помолчать, а когда заговорил, голос изменился и стал тверже, жестче. — Дату я запомнил. Замуж за него ты не выйдешь.

Он сбросил звонок, а я до ночи злилась на себя за это «если». Надо было сказать ему, что люблю. И потребовать, чтобы он мне тоже ответил. У меня еще оставалось время набрать его номер, у него оставалось время ко мне приехать. Даже представить себе тогда не могла, что он дождется, пока я надену свадебное платье.

Глава 2

Папа догоняет нас на лестнице. На секунду мне кажется, что он одумался и сейчас заберет меня к маме. Я даже спускаюсь на ступеньку ему навстречу. А он протягивает Мансуру другую ключ-карту, от триста четырнадцатого номера. При мне у них пальцы соприкасаются, и папа зачем-то кивает, будто они хорошо поработали и теперь расходятся по домам.

— Пап, ты бы хоть спросил, хочу я с ним идти или нет, — говорю я ему в спину. Он останавливается. Мансур тоже мог бы дать нам минуту, но куда там. Стоит рядом, слушает. — Обернись хоть. Я же с тобой разговариваю.

— А ты бы мне правду сказала, Лиль? — спрашивает отец и все-таки оборачивается. Глаза у него красные. Когда Антон при всех спросил, ждала ли я Мансура, папа ведь тоже ждал ответа. И слышал, что я ответила. — Я бы чего-нибудь да придумал, если бы ты мне вчера сказала, что не любишь Антона. Хоть с ним и его родителями поговорил. Ты зачем меня до этого довела, дочка?

Я открываю рот и молчу. Сколько всего хочется ему сказать, особенно про то, что сейчас он отдал ключ мужчине, перед которым сам боится голос повысить. А ведь вчера я до ночи сидела в своей комнате, папа раза три проходил мимо. Могла его окликнуть. Он бы и правда поехал к Антону, взял

бы весь позор на себя. Только мне тогда казалось, что я хорошая дочь и приличная невеста, раз собиралась выйти за того, за кого обещала. Ничего себе хорошая. У одного мужчины на пальце до сих пор мое имя, кольцо другого я ношу сама.

— Ладно, пап, иди к маме, — говорю я. — Ты ведь тоже его боишься, да?

— А есть человек в городе, который его не боится? — Отец поднимает взгляд на Мансура и тут же переводит на меня. — Ты сама эту кашу заварила. Теперь расхлебывай.

Я успеваю сосчитать все ступеньки, по которым он спускается, пока Мансур ждет, когда я подниму на него глаза. Смотрю на бриллиант. Красивый. Вчера я бы всю ночь вертела рукой под лампой и улыбалась, как последняя дурочка. А сегодня я смотрю под ноги, пока Мансур Далгатов ведет меня в номер для новобрачных.

В триста четырнадцатом номере на спинке кресла висит белая рубашка. Утром ее сюда принес Антон. Он привык все делать заранее, а в день свадьбы особенно боялся, что забудет какую-нибудь мелочь. И бритву принес, и щетку, и таблетки от головы, потому что у меня от долгой музыки к вечеру виски ноют. Мансур снимает рубашку с кресла. Я думаю, сейчас швырнет на пол, и вцепляюсь пальцами в ткань.

— Отдай мне. Он ее ни разу еще не надевал, — прошу я. До чего же глупо прозвучало. Человека погнали с его собственной свадьбы, как нашкодившего мальчишку, а я тут пекусь о том, чтобы ему рубашку не испортили. Забираю ее и

на глазах у Мансура вешаю в шкаф. Дрожат руки.

— Моя тебе больше нравилась, — говорит он. Я поворачиваюсь. Он расстегивает часы. — Ты думала, я не заметил, как ты внизу на меня смотрела? Рубашку узнала, да?

Меня злит, что он помнит. Лучше бы надел другую, черную, хоть в полоску, какую угодно. Я с утра ревела бы меньше, если бы видела перед собой того, кто велел увести Антона. Но тут стоит еще и мой Мансур. Тот, кому я звонила с остановки, когда сдала английский на отлично. Мама узнала второй. Я тогда так торопилась рассказать ему, что пропустила автобус и до дома шла пешком. А он почти всю дорогу провисел на телефоне, слушал, какие глупости я несу от радости. И вот этому человеку мне сейчас страшно сказать, что я хочу к маме. Я ведь даже представить такого не могла.

— Заметил он, — выговариваю я наконец. — Ты хоть знаешь, как я готовилась в первый раз остаться у тебя? У меня платье было синее, ты его любил. Я его надевала, когда думала, что ты меня к себе позовешь. Три раза в одном и том же ходила, как дура. А ты довозил до дома и говорил, чтобы родителей за тебя обняла. Почему, Мансур?

Он кладет часы на стол. Я жду, что рассмеется. Мне и самой впору засмеяться, лишь бы отделаться от этого стыда. Особенно за синее платье. Зачем я ему рассказала? А он подходит и вынимает у меня из волос гребень. Фата съезжает набок. Я успеваю ее подхватить, пока не упала.

— Я тебе то платье сам застегивал. На озере. У тебя мол-

ния заела, помнишь? — спрашивает он. Еще бы я не помнила. Нигде и ни с кем я так бессовестно себя не вела. — Долго еще думаешь меня попрекать тем, что я тебя тогда до дома довез?

— До вчерашнего дня ты мне нравился за это, — отвечаю я. Он кривится, услышав «нравился». Прижимаю скомканную фату к себе. — А сегодня я говорю тебе, что хочу спать у мамы. Ты меня отпустишь?

— Утром увидишься с матерью, — отрезает Мансур. Он кладет карточку от номера в карман. — Ночь ты проведешь со мной, Лиля. За этим я сюда и поднялся. Ты моя жена теперь. На тебе мое кольцо. С остальным разберемся позже.

Во мне еще хватает злости, чтобы дойти до выхода. Я даже нажимаю на ручку. За порогом пустой коридор. До мамы несколько шагов, я знаю, в какую комнату стучать. Только папа, который мог бы мне открыть, сам отдал Мансуру ключ. И если Мансур пойдет за мной, мне снова придется смотреть, как отец отступает в сторону. На сегодня с меня хватит. Я возвращаюсь в комнату, аккуратно, зачем-то очень аккуратно складываю фату на кресле.

— Хорошо, я останусь, — говорю я. Мансур смотрит на меня так, будто наконец услышал то, чего ждал с самого лета.

— Иди сюда, Лиля, — говорит он уже тише. Я еще жду, что он услышит меня, скажет хоть слово про то, что я только что ему выложила. Мансур умеет слушать, когда ему интересно. Сегодня ему нужно другое.

Верхний свет выключаю я сама. Это единственное, о чем нам в эту ночь удается договориться.

Платье застегнуто на сорок мелких пуговиц. Я считала их утром, пока меня одевали, чтобы не думать о том, как у нас с Антоном будет все происходить. Нет, я не волновалась и не боялась. Это же Тоша… Знала бы я тогда, с кем пойду в номер для молодых.

Мансур расстегивает пуговицы одну за другой, и я считаю снова, лишь бы чем-то занять голову. Скорее всего, гости уже разошлись. Никто не попытался помешать Мансуру Далгатову и запретить ему касаться меня. Даже я.

Двенадцатая пуговица. Тринадцатая. Четырнадцатая. Его пальцы горячие, они касаются кожи, и каждый раз я вздрагиваю. Он замечает каждое мое движение.

— Ты дрожишь, — говорит он у самого моего уха. В голосе я слышу улыбку.

— Да, — отвечаю я, все еще считая пуговицы.

— Боишься? — спрашивает Мансур. Я молчу. Лепестки роз на постели кто-то разложил для другого мужчины. Теперь от их приторного запаха кружится голова.

Все сорок пуговиц расстегнуты. Шелк сползает с плеч и падает к ногам белой тряпкой. Я остаюсь в одном белье, обхватываю себя руками. Он медленно обходит меня, разглядывает, а я все опускаю голову, хотя понимаю, что так от него не спрятаться.

— Я пришел не мстить, — говорит тихо. — Ты еще глупая

и не знаешь, что для тебя будет лучше. А твой женишок… Ему достаточно будет позора. Разумеется, если он тебя не тронул. Но ведь он не тронул. Я знаю это.

— Не бойся. Ничего страшного я с тобой не сделаю, — обещает он, взяв меня за подбородок. Заставляет поднять глаза. Лицо у него злое, как внизу, когда он велел увести Антона.

Его ладонь ложится мне на затылок, он целует меня жестко, глубоко, без всякой нежности, и колени у меня подгибаются. Я хватаюсь за его рубашку. Он толкает меня к кровати, и лепестки взлетают, опадают на простыни, на мои волосы, на его руки. Я падаю на спину, и сердце колотится так, что я не слышу ничего, кроме него.

Он нависает надо мной, одной рукой упираясь рядом с моей головой. Другой ведет по моей шее, по ключице, вниз, медленно, так медленно, что я пугаюсь того, как сильно хочу, чтобы он не останавливался.

— Ты теперь моя, — шепчет мне в губы он. — Слышишь? Моя. И из этого номера ты выйдешь моей.

Я смотрю ему в лицо, освещенное ночником. Он усмехается, а я все держусь за его рубашку, хотя еще недавно сама пыталась от него уйти.

Я вижу, как он расстегивает свою рубашку, как белая ткань падает на пол, как щелкает запонка о паркет. Я вздрагиваю от этого звука.

— Смотри на меня, — приказывает он и ждет, пока я под-

ниму глаза.

Я лежу на лепестках в тонком белом кружеве, купленном для другого. Он проводит пальцем по кромке у моего плеча, по узкой лямке, спускает ее вниз и следит, как я вздрагиваю.

— Красивое, — говорит он хрипло. — Жаль, что не для меня.

— Не для тебя, — зло выговариваю я.

Он замирает, коротко усмехается и склоняется ко мне. Его губы находят плечо, место, где только что был палец. Он целует ключицу, шею, впадинку под ухом. Я слышу собственный сорванный вдох и закрываю рот ладонью.

— Не надо, Лиля. Я хочу слышать, — говорит он, отводя мою руку и прижимая к простыне.

Его ладони скользят по моим бокам, по ребрам, по талии, замирают на бедрах, и я сама выгибаюсь навстречу, не понимая, что творю. Кружево под его пальцами едва держится. Я слышу тихий треск ткани и вздрагиваю.

— Куплю другое, — выдыхает он мне в губы.

Я зачем-то тяну его к себе за плечи, и он опускается на меня всей тяжестью. Горячая кожа к коже, его сердце у меня под ладонью, бьется так же бешено, как мое. Он целует меня глубоко, долго, до звона в ушах, и все лишнее исчезает. Гости, сорок пуговиц, фамилия Антона, которую я собиралась взять. Он сжимает мои волосы у корней, натягивает до боли. Его голос, повторяющий что-то на своем языке, и дрожь, которая уже не от страха.

Лепестки сминаются под нами, их запах сладкий, теперь не приторный, а дурманящий. Я цепляюсь за его спину, ногти оставляют следы, он глухо смеется и целует меня снова. Он снова произносит «моя», а я наконец отвечаю «твоя». Голос срывается, и я крепче прижимаюсь к нему.

Комната плывет. Боль застает меня врасплох, я дергаюсь и крепче цепляюсь за него. Мой первый раз с Мансуром. Другого и быть не могло. Он бы не позволил Антону прикоснуться ко мне.

— Сейчас все пройдет, — шепчет он мне на ухо, а меня обдает горячей волной. Боль очень отчетливая, я сжимаю пальцы в кулаки. Но вскоре все проходит. Остается лишь наше дыхание и переплетенные тела на белых простынях.

Я просыпаюсь на рассвете от того, что его теплая рука лежит на моей талии. На подушке рядом с моим лицом лежит смятый розовый лепесток. Смотрю на него и боюсь пошевелиться, чтобы не разбудить Мансура. Сама удивляюсь, что мне хочется еще полежать рядом с ним.

После душа я сижу в кресле, завернувшись в гостиничный халат. За окном светает, а его нет. Ушел куда-то, пока я была в душе. На соседнем балконе кто-то тихонько чихает, и я чуть не говорю «будь здорова», потому что это мама. Я узнаю, как она чихает. Стоит выйти на балкон и позвать ее, она придет. Но уже утро, а я так и не придумала, что ей сказать, когда она меня увидит. Вчера я могла поклясться, что Мансур лжет. Сегодня это уже правда…

Когда она стучит, я спешу ей открыть. Мама в том же нарядном платье, в каком была на свадьбе, только в гостиничных тапочках. Я гляжу на ее ноги и наконец понимаю, что она ведь тоже не спала. Сидела за стенкой одетая и ждала утра. Мне становится так жалко нас обеих, что я обнимаю ее, прижимаюсь носом к ее шее. Мама пахнет духами, которые я ей брызнула вчера за уши.

— Доченька, ты бы переоделась, — просит она, отстраняясь. — Я тебе джинсы привезла, ты вниз в них выйдешь. Где у тебя вещи лежат?

Она идет к кровати раньше, чем я успеваю предупредить. Одеяло сползло, на белой простыне видны пятна крови. Мама останавливается. Я тяну одеяло на себя. Хуже всего то, что я сейчас смотрю на нее и жду того же, чего ждала вчера за столом. Что мама хоть раз посмотрит на меня так, как смотрела всю мою жизнь, когда верила мне на слово.

— Он у тебя этой ночью впервые был? — спрашивает она. Я киваю и поджимаю губы. Мама садится на край кровати и прижимает мою ладонь к своей щеке. — Лилечка, почему я тебя вчера не забрала?

— А ты его спроси, мам. Как придет, спроси, — отвечаю я.

Мы долго молчим, не знаем, о чем говорить. Я накрыла простынь одеялом. Он возвращается в новой рубашке. Здоровается, увидев маму, и смотрит на застеленную постель, затем подходит к окну.

— Мансур? — зову я и почти не узнаю своего голоса. — Теперь ты скажешь правду моей маме?

— Вчера я соврал, — бессовестно признается он и поворачивается к нам. А у меня внутри что-то обрывается от того, как легко ему дались эти три слова. Ведь мог же вчера. Я просила в зале, у него над ухом шептала, унижалась, а ему, оказывается, ничего не стоило произнести их. — До этой ночи я вашу дочь не трогал. Теперь она моя жена. Не волнуйтесь, все по закону будет.

Мама встает. Повернись она ко мне, начни жалеть, я бы разревелась. А она выходит в коридор и зовет отца. Он уже там. И тетя Ира, мамина сестра, у которой вчера в зале было самое осуждающее лицо. Наши родственники остались ночевать в гостинице, и я слышу, как тетя зовет кого-то по имени. Сейчас каждый, кому есть дело до вчерашнего скандала, придет посмотреть еще и на мою постель. Я сдергиваю простынь с постели, комкаю ее и стою посреди номера с этим белым комом, пока Мансур не подходит и не забирает его у меня.

— Я тебя вчера опозорил. Я и скажу всем. Можешь идти переодеваться. Я все улажу, — обещает он, складывает простыню пятнами внутрь и кладет на кресло, поверх фаты.

И он действительно выходит к ним сам. Я слышу, как отец спрашивает, что случилось. Как Мансур повторяет ему то, что сказал маме. Слышит и тетя Ира. Вот теперь, значит, будут знать все. Я почему-то думала, что мне станет легче, ко-

гда родные узнают правду. А у меня перед глазами лишь лицо Антона. Он ведь тоже узнает. И ему придется второй раз пережить вчерашний вечер, только теперь уже с мыслью, что он мог бы остаться рядом со мной. Мог стать моим мужем и всю жизнь носить на безымянном пальце кольцо с гравировкой.

В машине я сижу, зажав между колен пакет с моим свадебным платьем. Утром мама предлагала забрать его, но я отказалась. Сама не знаю, почему. Мансур опускается рядом, говорит водителю «Домой», и машина трогается. Только теперь, когда гостиница остается позади, до меня доходит, что я даже толком не знаю, куда он меня везет. За все лето ни разу не пригласил домой. Берег он меня тогда, что ли? От кого, интересно? От себя?

— Скажи мне хоть ты, почему именно вчера? — прошу я. Мансур поворачивается ко мне. — Ты же мог накануне приехать. Успели бы и с Антоном поговорить, и с мамой.

— Да, я мог бы, — соглашается он.

— Так чего же ты ждал? — спрашиваю я. Ночь, которой мне теперь всю жизнь стыдиться, могла начаться совсем иначе. Я бы вышла к нему, мы могли бы поговорить. Он это знает, а я все еще надеюсь услышать, что иначе у него не получилось.

— Мансур, ну зачем тебе понадобилась моя свадьба? — спрашиваю я.

— Я хотел, чтобы он облажался. Чтобы был опозорен за

то, что посмел смотреть на тебя, — жестко отвечает Мансур. И поворачивает мою руку бриллиантом кверху. — Это и твое наказание за то, что выбрала другого. Запомни и знай, я мог наказать тебя иначе. Но я тебя пожалел. На первый раз.

Глава 3

Перед огромным домом Мансура я замечаю искусственный пруд. Вода такая прозрачная, что я вижу золотистых и красноватых рыб у самого дна. Одна подплывает к краю, разевает круглый рот, и я невольно улыбаюсь. Первый раз за все утро. Мансур смотрит туда же, куда и я, только рыба его мало интересует.

— Что это у тебя? — спрашивает он. Я и забыть успела, что держу в руке кольцо Антона. Мама подобрала его со свадебного стола и отдала мне у машины, а я так с ним и приехала. — Ладонь открой, Лиля.

Я слушаюсь. Он берет кольцо двумя пальцами, поворачивает к свету, чтобы прочитать надпись, и бросает в воду. Рыбы кидаются туда целой стайкой, думают, наверное, что их кормят. Я опускаюсь на колени. Вон оно, мелькнуло между камушками. Если попросить какую-нибудь палку, можно попробовать достать.

— Ты что наделал?! — кричу я, оборачиваясь к нему. Мансур стоит надо мной, засунув руки в карманы брюк. Даже смотреть не стал, куда бросил. — Это же не твое кольцо!

— Мое у тебя на пальце. А за этим ты сейчас в воду полезешь? — спрашивает он. Я опять смотрю на дно, и тут он так рявкает, что я вздрагиваю. — Встань, я сказал!

Мужчина, который несет в дом мое платье, ускоряет шаг.

На крыльце женщина в светло-сером костюме придерживает ему створку. Оба слышали. Я еще даже в дом не вошла. Они, может, и имени моего не знают, зато уже слышат, как он орет на меня. Встаю. На коленях у меня мокрые пятна, липнут джинсы, и с ресницы срывается слеза. Хоть бы он сейчас не вздумал ее вытирать. Ударю. И пусть делает со мной, что хочет.

— Я хотела вернуть его Антону, — говорю я. — Мог бы хоть спросить, зачем оно мне.

— А, так ты к нему собралась? После нашей ночи? Серьезно?

От одного «нашей» у меня загораются щеки. Мансур это замечает. Наклоняется ближе и договаривает уже тише.

— Меня тоже обсудите? Понравилось тебе со мной или пожалела, что не с ним была?

— Да замолчи ты, — шепчу я и толкаю его ладонью в грудь. Голос пропал, а злости столько, что меня всю колотит. — Я с мамой о нашей ночи говорить не захотела. Думаешь, пойду с Антоном обсуждать? Зачем ты про меня такие гадости говоришь?

Он перехватывает мою ладонь. Я чувствую, как часто бьется под ней его сердце. С виду и не скажешь. Стоит такой довольный, будто одного вчерашнего позора мне мало и утро у нас с ним тоже удалось на славу.

— Потому что я вез тебя к себе домой, а ты всю дорогу держала в кулаке его кольцо, — говорит Мансур. И впервые

за весь этот отвратительный разговор я слышу в его голосе что-то помимо злости. Задело его. Увел меня от Антона при всех, а теперь бесится из-за тоненького колечка. — Долго мне еще будешь его вспоминать? Тебе напомнить, чья ты жена?

— Лучше бы ты меня вчера об этом спросил. Когда сам уселся на его место, — отвечаю я. Мансур отпускает мою руку. Мне страшно, что он опять заорет, и еще страшнее разреветься тут у него во дворе. Я вытираю лицо и первой иду к дому.

На крыльце меня ждет та самая женщина. Я совсем молодая рядом с ней, впору поздороваться и спросить, куда можно пройти. Она, видно, сама чувствует, как я растеряна, потому что здоровается первой и протягивает мне маленькое полотенце.

— Колени вытрите, Лиля. Камень после полива мокрый, — говорит она. Смотрит на пятна на моих джинсах, и мне легче поздороваться, когда меня хотя бы не жалеют вслух. — Меня Нина зовут. Если вам что-нибудь понадобится по дому, скажете мне.

— Вечером придут мои родственники, — сообщает Мансур, поднимаясь за мной. — Мать, сестра с мужем, старшие. Всех сама чаем угостишь, Лиля. Нина поможет тебе подготовиться.

Я еще держу в руках полотенце и жду, когда Нина уйдет. Мне бы привыкнуть, что у него в доме есть кому принести,

подать, унести мое платье наверх. А он при ней продолжает, во сколько мы сядем за стол, кто любит крепкий чай, кто пьет послабее. Смотрю на него и думаю, как же славно он тут все устроил. Вчера у меня должна была родиться совсем другая семья. А сегодня изволь запомнить, что у мужа его сестры от крепкого чая изжога.

— А ты меня хоть с кем-нибудь из них познакомишь? — перебиваю я. Нина забирает полотенце и уходит в дом. — Или я с чайником буду бегать и сама угадывать, кто из них твоя мама?

— Познакомлю, — отвечает он. — И тон смени.

— Я со вчерашнего дня только и делаю, что исполняю твои приказы! — у меня вырывается крик, такой громкий, что я сама себя пугаюсь. — Ты у мамы моей хоть спросил, что она любит пить? Ты пришел, опозорил ее дочь и забрал. А твоя мама приедет, и я должна ей улыбаться. А если у меня не получится, Мансур? Если меня за этим столом спросят, кто у меня родители и почему их тут нет?

На секунду кажется, что он меня понял. Глядит в упор, дает выговориться. Вот сейчас достанет телефон, позвонит маме и велит водителю привезти ее. Я бы рядом с ней этот вечер выдержала. А Мансур достает из моих волос засохший розовый лепесток. В гостинице я не стала мыть волосы и привезла один с собой. Я даже толком расчесаться не успела… Меня поволокли в его особняк.

— Моя мать к нам в дом придет, Лиля. Хочет увидеть

женщину, на которой я женился. И ты будешь встречать ее с улыбкой, — жестко утверждает он. Берет меня за руку. Я смотрю на его пальцы. Еще ночью сама держалась за них. — Поднимись. Выспись хоть немного. Вечером спустишься ко мне красивой.

— Тебе надо, чтобы я для твоей родни красивой вышла? — спрашиваю я.

— Для меня, — поправляет он. Его взгляд задерживается у меня на губах. — Родня по домам разъедется, а мы с тобой останемся. Вот тогда и договорим, кому что надо.

Щеки горят. Вчера он забрал меня со свадьбы, сегодня выбросил кольцо Антона. А я все равно краснею, когда он говорит, что мы останемся вдвоем. Злая на себя, обхожу его и поднимаюсь по лестнице. Столько всего хотела высказать ему во дворе. В итоге опять послушалась и иду, куда велели.

В спальне на кресле лежит пакет со свадебным платьем. Следом за мной входит Нина, приносит вещи, которые утром собрала мама. Я благодарю ее и жду, пока она выйдет. Начинаю разбирать одежду, нахожу свою старую футболку для сна и сажусь на кровать. Мама даже про нее вспомнила. Знает, что я до сих пор ее ношу, хотя сама не раз предлагала выбросить. Прижимаю футболку к лицу и наконец плачу. Тихо, чтобы Мансур не услышал и не пришел. Сейчас мне нужна мама.

К вечеру голова болит так, что даже расчесываться неприятно. Надеваю темное платье, закалываю волосы. Собира-

лась умыться и спуститься, но у зеркала все-таки берусь за тушь. Еще и платье поправляю, поворачиваюсь, смотрю, как оно на мне сидит. Вот зачем? Он утром на меня при прислуге орал, а я до сих пор думаю, понравлюсь ли ему. Нина зовет снизу, и я откладываю тушь. Сколько можно тут прихорашиваться. Хватит с него.

В гостиной уже собрались родственники Мансура. У окна сидит невысокая женщина в темно-зеленом платье. Он склонился к ней, слушает, что она говорит. Наверное, его мать. Я замедляю шаг, пытаясь рассмотреть ее лицо. Очень хочется, чтобы она хорошо ко мне отнеслась. После вчерашнего я даже думать боюсь, что мне здесь придется пресмыкаться.

Мансур замечает меня и идет навстречу. Осматривает с головы до ног, протягивает руку. Я вкладываю в нее свою ладонь. Его пальцы смыкаются, и он подводит меня ближе, наклоняется к уху.

— Зря волосы заколола, — говорит негромко. — Мне нравится, когда распущенные.

Я уже тянусь к шпильке, но вспоминаю, как утром он кричал на меня у пруда. Опускаю руку. Мансур замечает это движение, усмехается и ведет меня к родственникам. Я едва успеваю приготовиться к тому, что все сейчас будут на меня смотреть.

— Мама, это Лиля, — представляет он меня. Женщина откладывает очки и поднимается. Я хочу убрать руку, но Мансур продолжает держать ее в своей. — Лиля, мою маму

зовут Зарема.

— Здравствуйте, — говорю я и чувствую, что опять краснею. Она смотрит на меня, и мне ужасно хочется понять, что он ей рассказал. Особенно про вчерашнюю свадьбу. — Рада с вами познакомиться.

— И я рада, милая. Проходи, садись со мной, — приглашает Зарема и показывает на соседний стул. Мансур наконец отпускает меня. Я сажусь, поправляю платье на коленях и жду, пока Нина расставит чашки.

У Заремы такие же темные глаза, как у сына. Только смотрит она ласково, даже улыбается мне, когда я берусь за чайник. Немного успокаиваюсь. Мансур садится напротив. Смотрит, как я наливаю чай его матери, и мне хочется попросить, чтобы отвернулся. Я и так волнуюсь. Если сейчас кто-нибудь заговорит о моей свадьбе, могу расплакаться при всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.